

Вместе с тем возможно, что различие между двумя финно-угорскими слоями субстратной топонимии Русского Севера отражает начальный этап разделения прибалтийско-финских и саамских языковых групп. В данном случае условно можно говорить о «лаппоидном» характере языка. Однако собственно саамские языки, видимо, возникли только западнее, возможно, путем контактирования с неким неизвестным языком или языками.

И.И. Муллонен
Петрозаводск

Саранжа¹

Обращение к топониму *Саранжа* связано с тем, что он позволяет осветить принципиальность для анализа финно-угорского наследия в топонимии комплексного подхода, учитывающего наряду с типологическими моментами комплекс языковых факторов, а также географический аспект.

Река *Саранжа* отсутствует на современных картах Ленинградской области, однако она была хорошо известна старым источникам – картам XVIII–XIX вв., географическим описаниям, справочникам. Так назывался довольно большой южный приток Паши – р. Явосьма. Интересно, что и Явосьма в виде *Явосма* отмечается источниками с давних времен. Карты генерального межевания конца XVIII в. оперируют обоими названиями, что заставляет предположить, что одна и та же река называлась на разных участках по-разному. Со временем *Саранжа* была вытеснена *Явосьмой*.

Река Явосьма (или Саранжа из старых источников) образуется в результате слияния двух рек – Тутоки и Ретешы, в верховьях которых сохранились вепские деревни. Вепское наследие отчетливо прослеживается на всем протяжении Явосьмы, что дает основания для поиска вепских истоков наименования самой реки. Явосемский Погост называется по-вепски *Jalosma*². Видимо, в наименовании поселения сохранился потамоним, который можно попытаться возвести к прибалтийско-финской лексеме *jalo* в примарном значении ‘большой’³. Правда, конечный элемент топонима остается темным.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 01-04-49006/С.

² Йоалайд М. Этническая история вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 81.

³ В современных вепских говорах слово сохранилось лишь в застывшей форме *jalos* ‘очень, сильно’ [СВЯ].

Саранжа, известная по документам также как *Саранза*¹, не зафиксирована в вепсском варианте. Топоним логично рассматривать в одном этимологическом ряду с многочисленными в регионе южного Обонежья речными наименованиями с основой *сар(а)-*. При этом надо признать, что последняя является одной из самых любопытных и загадочных в топонимии Севера. С одной стороны, она, казалось бы, имеет надежную прибалтийско-финскую этимологию, связанную с вепс. *sara, sar* 'развилина (раздвоенный ствол или сук); разветвление', на основе которых реконструируется семантика 'приток, небольшая река', реально отраженная в присвирских гидронимах *Куйсара, Ленсара, Пойсара*. Лексема *saara* известна в родственных карельских, а также восточнофинских говорах, при этом в последних используется прежде всего в значении 'ручки сохи' [SKES, 937–938]. В финских и карельских говорах существует также лексема *haara, hoara*, несущая в себе, как и *saara*, идею некоего раздвоения, разветвления. Для обеих прибалтийско-финских лексем (*saara* и *haara*) предполагается (под вопросом) одно и то же саамское соответствие *sarre* 'промежуток между пальцами рук и ног, трещина в копыте оленя' [SKES, 937; SSA, 139, 141–142]. Высказывается также мысль о возможном заимствовании саамской лексемы из прибалтийско-финского источника². В саамском существует и другое слово со значением 'развилина, разветвление', а также 'ответвление реки' – *suorre*, для которого SKES и SSA предлагают в качестве прибалтийско-финского соответствия фин. *hara*, карел. *hare* 'борона', вод. *aro* 'грабли', эст. *haru, haro* 'развилина', лив. *ar* 'ветвь, вершина, угол' (в этом же гнезде мар. *sar-, šor-*).

Эта сложная система могла бы быть упрощена и три лексемы с практически идентичным значением сведены воедино, если бы не начальное *s* в *saara*: приб.-фин. *h* (*haara*, в котором примарно выступало исторически краткое *a*, и *hara*), саам. *s* (*suorre*) < **š*, но не *s*. И здесь заманчиво вспомнить предположение А.К. Матвеева о том, что приб.-фин. *saara* (< **sara*) в действительности может представлять собой не закономерное звено последовательного языкового развития, а результат заимствования в восточные прибалтийско-финские языки лексемы из языка, в котором начальный согласный уже поменял свое качество по саамской модели, в то время как гласный первого слога сохранил праязыковое состояние, т.е. ф.-у. **šara* > **sara* > приб.-фин. *saara* (вепс.

¹ Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997. С. 77.

² Plöger A. Über die Entstehung des finnischen Stammtyps CVC(C)a/a // Finnisch-Ugrische Forschungen. 44. 1982. S. 82.

³ Neilsen Konrad. Lapp Dictionary. Oslo, 1979. Vol. 3. P. 601.

sar). Заманчивость такого предположения подкрепляется тем, что оно позволило бы включить прибалтийско-саамскую лексему (приб.-фин. *saara*, саам. *suorre*) в единый этимологический ряд с пермскими данными, ср. коми *шор* 'ручей', удм. *шур* 'река', имеющими, в свою очередь, угорские параллели [КЭСК, 322]. Фонетически этот финно-угорский ряд вполне убедителен, и его закономерным прибалтийско-финским членом являлась бы лексема *haara*. Вопрос состоит в том, существуют ли какие-то факты, могущие служить подтверждением гипотезы реального бытования праязыкового **sara*, воспринятого путем заимствования в восточную часть прибалтийско-финского ареала? Косвенным образом на это может указывать восточный ареал распространения *saara*, с одной стороны, и отсутствие в вепсском, т.е. на восточной периферии прибалтийско-финского ареала, приб.-фин. *haara* — с другой. Далее, в этом контексте обращает на себя внимание сосуществование вепсских вариантов *sar*, закономерно отражающего приб.-фин. *saara*, и *sara*, предполагающего в качестве источника слово с кратким гласным. Возможно, за сосуществованием *sar* и *sara* и не следует искать никакой исторической подоплеки, а считать его следствием включения лексемы в тип вепсских двусложных основ с кратким первым слогом (типа *kala*), но, с другой стороны, в контексте вышесказанного есть смысл иметь в виду возможность того, что в вепсском ареале соединились две имеющие единые древние истоки, но проникшие разными путями и в разное время в вепсский ареал лексемы: 1) приб.-фин. *saara* → вепс. *sar*, пришедшая с прибалтийско-финским (западным) освоением; 2) доприб.-фин. *sara*, воспринятая от предшественников. С этим, кажется, согласуется и ареал топоосновы *Sar / Sara / Саpa / Саpка*, тянущийся от вепсского Присвирья на восток и юго-восток вплоть до Поочья, где на смену топонимному *Саpa* приходит лабиализованное *Суpa*¹. В связи с этим можно поставить вопрос, не является ли эта модель вкупе с марийскими реками *Шур, Суpa, Сурка*² возможным реликтом утраченной волжско-финской лексемы, возможно, входившей в одно этимологическое гнездо с пермскими и прибалтийско-финско-саамскими лексемами. Складывается впечатление, что топонимная модель могла прийти в Обонежье с востока (юго-востока) и получить здесь подкрепление от приб.-фин. *saara* → вепс. *sar*. Именно этим может быть вызвана исключительная продуктивность топоосновы в вепсском Присвирье, особенно заметная на фоне практически полного отсутствия гидронимии на *saara-* в

¹ Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. М., 1976.

² Куклин А.Н. Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями) // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1980. С. 119-201.

карельском и восточно-финском ареале, где, напомним, *saara* бытует в качестве апеллятива.

К числу моментов, свидетельствующих в пользу гипотезы о возможных неприбалтийско-финских истоках лексемы *saara* и особенно вепсской топоосновы *sara*, относится и то, что в Присвирье, юго-восточном Обонежье и на Русском Севере есть и другие лексемы, в фонетическом облике которых проявляются те же особенности, которые обращают на себя внимание в связи с предполагаемым субстратным **sara*: большая консервативность гласных на фоне более подвижных согласных, сохранение в некоторых случаях праязыкового *a* на месте саам. *uo* (*sara* – саам. *suorre*, **вашк* – саам. *vuosko* 'окунь').

Возвращаясь теперь к потамониму *Саранжа*, надо, очевидно, признать, что основа в принципе может быть как вепсского, так и неприбалтийско-финского происхождения. Для более четкой интерпретации ее есть смысл приглядеться внимательнее к концовке *-нжа*, оформляющей основу. Оказывается, в южном и юго-восточном Обонежье фиксируется целый ряд гидронимов на *-нжа* / *-нза* (вепс. *-nž* / *-nž*). Он формируется такими названиями, как рр. *Оренжа*, *Озеренжа*, *Пугинжа* ~ *Пуинжа* в Присвирье, оз. *Ilinžar* ~ *Ilinžar* (русск. *Линжозеро*), *Salinžar* (русск. *Салинжозеро*), *Paranžar* (русск. *Паранозеро*), рр. *Лобинжа*, *Добинжа*, *Матенжа*, *Илинжа*, *Егинжа* ~ *Игинжа*, *Пугинжа*, *Саменжа* в южном Обонежье, рр. *Колонжа*, *Парменжа*, *Ухтинжа*, порог *Наглинжа*, остров *Веренжа* на Водлозере, оз. и р. *Воренжа*, оз. *Пелонч*, р. *Шигеренджа* в южном Беломорье и др. В одной из работ¹ мы предлагали искать истоки этого конечного элемента в истории саамского отыменного деминутивного суффикса *-š*, восходящего к прасаамскому **-nže*². Привлекательность данной интерпретации в том, что именно эта прасаамская форма фонетически наиболее точно отражает материальный облик гидроформанта. К тому же деминутивная семантика суффикса хорошо вписывается в рамки топонимических универсалий. С точки зрения топонимного функционирования форманта показательным может оказаться и тот факт, что саамский суффикс имеет единые истоки с прибалтийско-финским деминутивным суффиксом *-ise* (:-*inen*)³, входящим в число наиболее продуктивных прибалтийско-финских топоформантов.

Однако при всей заманчивости саамской этимологии форманта нельзя пройти мимо того факта, что в регионе южного Обонежья и восточного Присвирья модель на *-нжа* перемежается с гидронимами, обра-

¹ Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. С. 120–121.

² Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981. С. 320.

³ Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. S. 106.

зованными с помощью конечного *-нда*: рр. *Веранда*, *Лужанда*, *Виксинда*, *Юлонда*, *Суланда*, *Галенда* или *Галендручей* и др. Возможность сближения этих моделей основана на том, что в вепсской фонетике известно развитие *nd > nž*, проявляющееся в отдельных словах (типа *hond ~ hoñž* 'плохой') и формах (например, в имперфекте глаголов *kand' ~ kãñž* 'повернул', *leñd' ~ leñž* 'полетел', *kũnd' ~ kũñž* 'пахал', *lõudin ~ lõüžin* 'нашел' и др.)¹ в ситуации палатализации конечного согласного перед историческим или современным *i*. Особенно последовательно развитие *d' > ž* (> *ž* в ряде восточных и южных вепсских говоров) проявляется в имперфектной форме глаголов с изначальным *-nta-* в позиции исторического третьего слога: *mureñž* '(он) сломал' (< **mureñži*, ср. основу презенса **murenta-*), *oigenžid* '(ты) послал' (основа *oigenda-*), *semeñž* '(он) сеял' (основа *semenda-*), *paimenžin* '(я) пас' (основа *paimenda-*) и т. д. Позиционно это тот же исторически третий слог, что и в конечном *-нжа* (< *-nž* < *-ñž*) рассматриваемой группы гидронимов. А это значит, что развитие *-нжа* из *-нда* (точнее, *-ñž* < *-nd*) в принципе укладывается в вепсские фонетические нормы, правда, при одном условии: закономерность работала в позиции палатализации. Но именно таковая и реконструируется для форманта на ряде примеров, из которых приведем здесь наиболее убедительный.

В верховьях бассейна Паши известна река под названием *Ульяница*. Для нас в данном случае интересен вепсский вариант названия *Üländ* с основой *ülä-* 'верх, верхний'. Совершенно идентичный потамоним, сохранившийся, правда, только в адаптированном русском виде — *Юлонда* — обнаруживается в северном Присвирье, в бассейне р. Важинка. В обоих примерах присутствует конечное *-nd*, которое преобразуется соответственно в *-ñž-* и в *-nž-* в двух шимозерских примерах *Ülinžär* и *Ilinžär* (в обоих случаях русский вариант *Линжозеро*), представляющих собой названия верхних, замыкающих водную цепь озер (*-är* < *-järv* 'озеро'). Именно смягчением согласного в позиции перед гласным переднего ряда в данном случае вызвано развитие *-nd* в *-nž*. В связи с этим понятно сохранение первоначального *-nd* (*-nd-*) в ряде потамонимов, где оно, оказываясь в позиции абсолютного конца слова (в связи с характерной для наименований рек одночленной структурой), уже не подвергалось никаким изменениям: рр. *Üländ*, *Юлонда*, *Веранда*, *Виксинда*, *Карданга* < **Карданда* вследствие диссимиляции с согласным *d* основы. В то же время в лимнонимах, где к топооснове с конечным *-nd-* присоединялся номенклатурный детерминант *-järv* 'озеро' (опять же в силу закономерностей топонимного словообразования), происходила палатализация *-ñd'* с последующим закономерным измене-

¹ *Tunkelo E.A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. S. 243–244.*

нием в *-ñz* (> *-nz*): *Iiinžär* (< **Ülänjärv*), *Лобеньжозеро*, *Колонжозеро* (ср. р. *Колонда*) и др. Безусловно, представленная здесь схема является действительно схемой, отражающей общую канву развития, которое на деле могло сопровождаться рядом спровоцированных аналогией развитий, вторичных процессов и прочих (например, спорадическим наращением детерминанта *-jogi*, изменявшим качество предшествующего *-d* на палатализованный, с последующим превращением в *-ž* ~ *-ž-*) изменений.

В соответствии с предложенной схемой *Саранжа* может иметь в качестве исходного варианта **Саранда*. Это кажется тем более вероятным, что в Картотеке топонимов Карелии есть по крайней мере два реальных топонима, соответствующих реконструированному: бол. *Саранда* в северном Присвирье и руч. *Саренда* в Прионежье (*-e* в основе может быть спровоцирован исходным **Sarandeh*, в котором *-ndeh* является вариантом суффикса *-nda*).

Каковы истоки конечного элемента *-нда*, представленного в целой серии топонимов юго-восточного Обонежья? И как он соотносится с аналогичным формантом, известным в Верхнем Поволжье, а также и в других районах Русского Севера? Здесь следует иметь в виду, что в вепсском и других прибалтийско-финских языках известен суффикс *-nd*, хотя активность его низка. Семантика суффикса – вопрос непростой, так как, во-первых, сам изначальный прибалтийско-финский суффикс *-nta* / *-ntä* и его производные *-nne* (< *-ndeh*), *-nto* / *-ntö*, образующие имена и от именных, и от глагольных основ, достаточно многозначен, во-вторых, круг лексем, образованных с его участием, в вепсском языке узок, что затрудняет поиск изначальной или наиболее продуктивной семантики. В контексте установления ономастического функционирования, однако, существенным может оказаться то обстоятельство, что суффикс используется в апеллятивах в функции обозначения подобия выраженному производящей основой и продуктивен в образовании ландшафтной терминологии. В финских говорах с его помощью образованы такие географические термины, как *kamento*, *katvento*, *tyventö*, *kesanto*, *ojanto*, *saarento*, *suvanto*, *alanne*, *harjanne*, *jyrkänne*, *ojanne*, *saarenne*, *syvänne* и др.¹

В этом ряду заманчиво рассматривать и начальную историю топонима *Саранжа* < **Sarand* (< **Saranto*). Соответствующий термин не зафиксирован ни в вепсском, ни в других прибалтийско-финских языках, однако есть некоторые обстоятельства, которые делают предположение о терминологических истоках *Саранжа* реальным. Выше уже приводились примеры бытования в топонимии Обонежья модели *Са-*

¹ *Hakulinen L.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. S. 142–143.

ранда, свидетельствующие об устойчивости сочетания тополексемы *sara-* с формантом *-нда / -нжа*. Этот ряд может быть дополнен названиями ручья *Саранжа* на Заонежском полуострове, болота и ручья *Саранья* в юго-западном Присвирье, озера *Салинжозеро* в южном Обонежье. Два последних названия требуют определенных фонетических пояснений. Форма *Саранья* восходит к **Сараньга* (ср. в том же микроареале сосуществование вариантов *Викшенья* и *Викшеньга*)¹, в котором конечное *-ньга* образовалось из вепс. *-nd* в результате характерной для топонимии некоторых районов русского Обонежья замены прибалт.-фин. *d'* на *z* в позиции после согласного, ср. в Присвирье бол. *Pordim* → русск. *Поргим*, оз. *Ändärv* → русск. *Янгозеро*. Название озера *Салинжозеро* (вепс. *Salinjāf*) отразилось в писцовых книгах Обонежской пятины 1563 г. в вариантах *Санреж-озеро* с явной метатезой и *Сар-озеро*. В совокупности с современными формами они помогают раскрыть этимологические истоки гидронима. В них отражается свойственная прибалтийско-финской фонетике диссимиляция *r // l* и появление *l* на месте *r* в топониме вследствие стремления к размежеванию с *r* детерминанта *-järv*. В топониме, таким образом, восстанавливается **Sarenž/järv*, восходящее, в соответствии с установленными закономерностями, к **Sarend/järv* (с топонимической основой *sarend-* < **sarand-*).

Для доказательства возможной терминологической природы топонима *Саранжа* и определения семантики лежащего в его основе термина **sarand* есть смысл привлечь географическую характеристику объектов, в которых он использован. Озеро Салинжозеро – это своего рода боковое ответвление от сложной по конфигурации цепочки озер, примыкающей с юга к обширному озеру Шимозеро. Ручей Саранья вытекает из одноименного болота, которое примыкает в виде длинного рукава к большому болоту Соколий Мох. Болото Саранда имеет вид дуги с двумя ответвлениями. В перечисленных случаях можно говорить о развилке – озера или болота. В случае с рекой Саранжей речь тоже идет о развилке – о раскохе реки. Мотивом названия послужило, по всей видимости, то обстоятельство, что река, как уже отмечалось, образуется в результате слияния двух лесных рек – Тутоки и Ретеша. Налицо, таким образом, неоднократное использование топонимической основы применительно к объектам с идентичной ландшафтной характеристикой, что свидетельствует в пользу терминологических истоков основы *sarand-*. В качестве этимона предлагается реконструированная вепсская лексема **sarand* 'развилка, разветвление', укладываемая в ряд прочих

¹ Указанные гидронимы находятся географически в полной изоляции от ареала модели на *-ньга* и в то же время в зоне, соприкасающейся с основным ареалом бытования речных наименований на *-нда*.

вепских (прибалтийско-финских) слов с суффиксом *-nd* (приб.-фин. *-nio*), имеющим семантику 'подобный тому, что выражено производящей основой' – в нашем случае вепской лексемой *sara, sur*. Кажется, именно это демонстрирует варьирование основ *cap-* и *capand-*, проявляющееся в ряде случаев. Озеро Салинжозеро < **Sarend/järv*, напомним, названо в писцовых книгах *Сар-озером*, а руч. Саранья имеет в качестве вариантов *Сара* и *Саруй*.

Анализ других топонимов на *-нда/-нжа* приводит к мысли о том, что и среди них есть такие, в которых конечный элемент, видимо, нельзя классифицировать как онимный формант. Он является неотъемлемой частью топоосновы – оформленного производящим суффиксом этимона. Кажется, такова природа упомянутых выше четырех гидронимов с основой *üländ* (реки *Üländ* и *Юлонда* и озера *Ülinžär* и *Ilinžär*), привязанных к верхним в водной системе объектам и позволяющих предполагать в качестве истока географический термин **üländ* 'верховье, вершина, исток' (от *ülä* 'верх, верхний').

Еще одна топооснова на *-нда/-нжа*, позволяющая отапеллятивную интерпретацию, представлена в верхнем Присвирье названием р. *Оренжа*. Река Оренжа известна также под именем *Еремжа*, в котором сочетание *-мж-* возникло как результат ассимиляции из первоначального *-нж-*. Начальные гласные же, присутствующие в двух вариантах, демонстрируют усвоение в русские говоры приб.-фин. *e* в позиции начала слова. Последний либо переходил в огубленный [o] (*Оренжа*), либо сужался до [je] (*Еремжа*). Оба эти процесса известны в апеллятивах, заимствованных из прибалтийско-финских языков в русские говоры Обонежья. Существование двух вариантов позволяет реконструировать прибалтийско-финский оригинал **ErVnž*, при этимологизации которого полезно опереться на географическую характеристику оз. *Оренженское*, из которого р. Оренжа вытекает. По конфигурации озеро представляет собой два озерных плеса, соединяющихся между собой через узкий пролив. Основа *ero-*, *erä-* 'отдельная часть, часть целого; отделять, делить' присутствует и в названиях нескольких аналогичных по форме озер в гидронимии Финляндии (*Erijärvi*, *Erojärvi*, *Eräjärvi*). Топоним, таким образом, возник как отражение идеи 'озеро, разделенное на части' или 'часть озера, отделенная от основного озерного плеса'. При этом гидрооснова *erV-*, восходящая к общему праприбалтийско-финско-саамскому наследию [SSA], допускает в принципе как прибалтийско-финскую (*erä-*, *ero-*), так и саамскую (*aerre* 'часть целого', *aerranit* 'отделиться, выделиться', *ierēnit* 'отделять', *ērin* 'отделившийся' и т. д.) этимологию. Основа отразилась в саамской топонимии. Однако с учетом того, что инициальное саам. *a* < **ε* усваива-

лось в вепсское употребление скорее как *a'*, вепсская этимология основы в данном случае предпочтительнее.

В анализе истоков топонима *Оренжа* есть еще один существенный аспект, указывающий на возникновение *-нж-* (*-nž-*) в *Оренжа* из первоначального *-нд-*. Дело в том, что в одной связке с названием *Оренжа*, видимо, должно рассматриваться название р. *Веранда*, истоки которой отделены от оз. *Оренженского* примерно полукилометровой длины водоразделом, служившим волоком. На это обстоятельство однозначно указывают материалы писцового дела XVI в. по Веницкому погосту Обонежской пятины, упоминающие на означенном водоразделе «деревню Ивашково на волоке»². Географическая и функциональная близость объектов и необычайная схожесть их названий (начальное *в* в *Веранда* – закономерная протеза перед приб.-фин. *e*) свидетельствует в пользу единых истоков топонимов и – в связи с этим – единых истоков *-нда-* (*Веранда*) и *-нжа-* (*Оренжа*). Сохранение изначального *-нд-* в названии р. *Веранда* обусловлено непалатализованной позицией конца слова, в то время как появление *-нж-* в *Оренжа* могло быть опосредовано наименованием оз. *Оренженское*.

На мысль о терминологическом истоках основы наводит неоднократное использование ее в аналогичной ситуации – названиях объектов, разделенных на части, являющихся частью более крупного объекта. Так, беломорское оз. *Воренжа* является частью обширного оз. *Сумозеро*. А остров *Веренжа* отделен узким проливом от восточного берега оз. *Водлозеро*. Можно предположить, что в языке существовал термин **erand* (< **erantö*) с семантикой ‘отдельная часть, участок местности’.

Наличие среди топонимов на *-нда* / *-нжа* таких образований, которые генетически восходят к соответствующим суффиксальным ландшафтным терминам, не означает автоматически того, что аналогичным образом должен объясняться генезис конечного элемента во всех без исключения названиях этой группы. В южном Обонежье гидронимы на *-нжа/-нда* образуют довольно плотный, насыщенный ареал, и вряд ли уместно возводить все формирующие его названия к соответствующим суффиксальным апеллятивам. Не исключено, что отапеллятивные образования могли послужить образцом для формирования топонимической модели, в которой *-нд* преобразовался в специфический топонимический формант. Материал говорит в пользу того, что последний исполь-

¹ Муллонен И. И. Название Онежского озера в контексте субстратной топонимии Обонежья // Изв. Урал. гос. ун-та. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 122–128.

² Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582–1583 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 331.

зовался главным образом как «речной» суффикс. Многие наименования небольших лесных рек, в том числе с затемненными или допускающими саамскую интерпретацию основами, образованы с его помощью. В связи с этим можно предполагать, что формант мог использоваться для «вепсизации», т.е. усвоения в вепсскую систему топонимов древней гидронимии региона.

В заключение обратим внимание на возможную связь известного севернорусского топонима *Чаронда* с обонежскими *Сарандами*. При всех возникающих вопросах нельзя не заметить сходства в их материальном облике, а также в географической характеристике: Чаронда расположена во внутреннем углу развилки, образуемой оз. Воже и его заливом, или – в контексте обонежских топонимов – боковым ответвлением, оз. Еломским. В принципе и кубенская *Царенда*, рассмотренная А.К. Матвеевым в одной связке с Чарондой и привязанная к поселению, расположенному при колене р. Кубены, в месте, где река начинает члениться на множество рукавов-ответвлений, вписывается в этот же ряд.

Т. Н. Дмитриева
Екатеринбург

Хантыйско-русское взаимодействие в топонимии бассейна реки Казым

В ономастической и нарицательной лексике казымского диалекта хантыйского языка сохраняются следы многосторонних контактов ханты с другими народами, отражается древнее и позднейшее взаимодействие различных этносов, их языков и культур. Участниками этнического взаимодействия на Казыме стали ханты, ненцы, коми, манси и русские.

Подавляющее большинство географических названий басс. р. Казым составляют хантыйские топонимы – как правило, прозрачные по семантике и благодаря этому способствующие сохранению в них богатой и разнообразной этноисторической и этнокультурной информации.

Будучи хронологически неоднородной, хантыйская топонимия Казыма отражает как прошлое, так и современную жизнь коренного населения региона. В целом сохраняясь как система, в процессе живого функционирования она испытывает изменения в результате воздействия внешних факторов.

¹ Ср. иную интерпретацию, предложенную А.К. Матвеевым: *Матвеев А.К. Топонимические поиски. I // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург. 2000. Вып. 1. С. 12–15.*